

ПРОСТАЯ ДУША

Вадим Бабенко

Ergo Sum Publishing

WWW.ERGOSUMPUBLISHING.COM

Литературно-художественное издание

Издательство Ergo Sum Publishing, 2014

© Вадим Бабенко, 2014

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в информационных системах или передача в любой форме и любыми средствами – электронным, механическим, посредством фотокопирования, записи или иными – любой части книги, кроме цитат и коротких фрагментов, используемых для рецензий, запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-99957-42-21-8 (Электронная книга)

ISBN 978-99957-42-22-5 (Мягкий переплет)

ISBN 978-99957-42-23-2 (Твердый переплет)

Все персонажи являются вымышленными. Любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

www.ergosumpublishing.com

www.simplesoulbook.com

ГЛАВА 1

Июльским утром жаркого високосного лета Елизавета Андреевна Бестужева вышла из дома на улице Солянка, где жил ее последний любовник, замешкалась на мгновение, щурясь на солнце, потом расправила плечи, гордо подняла голову и зашагала по тротуару. Было около десяти часов, но утренняя суета еще не пошла на убыль – Москва готовилась к долгому дню. Елизавета Андреевна шла быстро и смотрела прямо перед собой, стараясь ни с кем не встречаться взглядом. Все же, у поворота на Солянский проезд, на нее надвинулся настырный зрачок, но тут же обратился витринным муляжом в виде огромного зеленого глаза, в который она с удивлением заглянула и отметила лишь, что он безнадежно мертв.

Потом она повернула налево, мрачный дом скрылся из вида. Елизавета с облегчением почувствовала наконец, что предоставлена самой себе, гоня прочь мысли о минувшей ночи и необходимости что-то решать. От любовника она устала, и быть может поэтому их встречи становились все бесстыдней. Утром ей хотелось смотреть в сторону и расставаться поскорее, даже без прощального поцелуя. Но он был настойчив, ритуал его прощаний обволакивал, как вязкий туман, и после она всегда сбегала по лестнице бегом, не доверяя лифту. А потом – спешила

прочь от серого здания, как от мышеловки, из которой удалось счастливо ускользнуть.

Елизавета Андреевна глянула на часы, покачала головой и прибавила шаг. Тротуар был узок и запружен людьми, но она шла легко, не замечая помех – встречных прохожих, ухабов и рытвин, луж, оставшихся от ночного дождя. Неустроенность города не смущала ее, но какое-то новое беспокойство шевельнулось вдруг внутри и поползло по спине холодной щекоткой. Почему-то казалось, что тот самый глаз наблюдает за ней, полуприкрыв веки. Чудилось, что она не одна, а будто связана с кем-то тончайшей нитью – она даже дернула плечами, отгоняя наваждение, но тут же укорила себя за глупость и вновь погрузилась в собственные мысли.

Вскоре показалась Старая Площадь: сначала церковь – там, где когда-то наблюдали казни – а потом торговая часть, заставленная ларьками и авто, припаркованными без всяких правил. Елизавета лавировала, как шустрый лоцман, сетуя на грязь под ногами, будто оставшуюся от прежних веков, когда здесь же, на Старой, ноги вязли по щиколотку, а купцов хлестали по щекам и пороли розгами за сапоги с бумажными подметками. Добравшись до хлипкой ограды, в которой, по странному замыслу, не было предусмотрено входа, Елизавета Андреевна покачала головой, потом изящно переступила через массивную цепь, и оказалась в сквере, дышащем прохладой, вожделенной уже и в это, далеко не полуденное время.

Начался подъем – длинный путь в гору, символ преодоления, достойный городского утра. Елизавета подмигнула Кириллу и Мефодию, скучно взирающим на табличку «От Благодарного Отечества» – словно в насмешку над Отечеством, никогда не умевшем быть благодарным – обогнула лавочку со спящим бомжом, от которого невыносимо воняло, и, поколебавшись немного, пошла по левой пешеходной дорожке, на которой, в сравнении с правой, было чуть больше тени. Над Москвой вставало марево очередного душного дня. Сквер был полон людей – жертв утреннего похмелья с банками пива в руках,

сбежавших сюда из близлежащих контор. Открытая пивная тоже не пустовала, официантка лениво прохаживалась меж столиками, зная свою власть. Елизавета посматривала по сторонам, сканируя недружелюбную местность, бесстрастно отмечала скопления страждущих, но не различала лиц, бесцветных для нее, одинаково закрытых и погруженных в себя. Она шла, почти не затрачивая усилий, представляя себя парящей над тротуаром, скудной зеленью и загаженными кустами, и лишь однажды сбилась с шага, вновь ощутив на себе чей-то скрытый, но настойчивый взгляд. Это могла быть ошибка, и, скорее всего, была ошибка, но на душе все равно стало тревожно, и мысли смешались в беспорядочный ворох.

Тем временем подъем закончился, солнечные лучи резанули глаз, запахло асфальтом и сожженным бензином. Елизавета, постояв у светофора, пересекла проезжую часть и вышла к зданию Политехнического музея, спасавшему от солнца куда лучше чахлах деревьев. Музей переживал плохие времена – быть может худшие с того давнего века, когда на его месте был зверинец с индийским слоном, что взбесился однажды, не стерпев настойчивости зевак. Судьба музея, как и судьба слона, давала повод для сожаления, но у Елизаветы Бестужевой хватало собственных забот. Тревога все не проходила, она даже оглянулась через плечо – без всякого конечно результата – и, помедлив, остановилась у застекленной афиши, наблюдая зыбкие отражения. Все они были безобидны, и она фыркнула с досадой на саму себя, а потом прочитала текст под стеклом, приглашавший послушать о разнообразии упаковок в некоем Клубе Упаковщиков, что нашел пристанище в обнищавшем здании, и ей стало весело на миг, а тревога обрела мистически-иноземный налет.

Миновав музей, Елизавета Андреевна рассеянно глянула на грозную Лубянку и спустилась под землю, чтобы выйти у станции метро, прямо возле Малого Черкасского, где находился ее офис. Вновь посмотрев на часы, она заторопилась, семена по лестнице вверх, но прямо у выхода обнаружились вдруг книжные лотки, и

Елизавета, не утерпев, подошла к книгам и стала рассматривать обложки. Что-то привлекло ее внимание, она открыла увесистый черный том, но тут ее толкнули под локоть, и книга выпала из рук, сразу создав на лотке живописный хаос. Возникла суета, низкий мужской голос пробормотал извинение, а хозяин лотка бросился наводить порядок, опасаясь кражи. Елизавета рассеянно ответила «да-да» голосу, обладателя которого так и не успела рассмотреть, отошла чуть в сторону и раскрыла другую книгу в ярком цветном переплете. Содержание, впрочем, оказалось слишком серьезным, а чуть ли не на второй странице красовался треугольник, выведенный во весь лист, и она сразу вспомнила прочитанное где-то: треугольник – гордая фигура, ей подневольны души. Это был несвоевременный знак – глупый намек, граничащий с издевкой. Елизавета смутилась, украдкой глянула по сторонам и, положив книгу на место, заспешила прочь от лотков, к старому пятиэтажному зданию, где ютились мелкие фирмы и конторы небогатых госслужб.

Маша Рождественская, называвшая себя Марго, компаньонка Елизаветы и убежденная эмансипэ, встретила ее покладисто, будто и не заметив опоздания. Причина была проста – Машу разбирало любопытство. Незадолго до появления Елизаветы Андреевны к ним постучался посыльный и вручил оторопевшей Маше большой букет роз, обернутый в золотую фольгу. «Для госпожи Бестужевой», – коротко сообщил он и ускользнул, словно растаял в московском смоге, а на визитке, пришпиленной к краю фольги, было написано лишь: «Воздыхатель» – игривой вязью с завитками.

Маша никогда не видела таких визиток и была безмерно удивлена. За два года, проведенных вместе в душевной комнате, почта не доставляла сюда ни цветов, ни завалящего любовного письма. Нынешнее событие было из ряда вон, и на запыхавшуюся Елизавету, едва она переступила порог, обрушился град вопросов.

Увы, все они остались без ответа. Елизавета Андреевна была

озадачена не меньше Маши, и та поняла очень скоро, что от нее ничего не пытаются скрыть. Произошедшему не находилось объяснения; пришлось принять как факт, что у Бестужевой завелся тайный поклонник, и это было столь странно, что скорей раздражало, чем казалось волнительным и забавным. Ничего тайного не было в ее жизни, а поклонников она выбирала сама, не слишком рассчитывая на случай.

«Знаешь, – задумчиво сказала она Маше, – я еще остановилась у лотка, а там книга... Открываю, представляешь – и сразу треугольник, сама не знаю к чему».

«Это от лихорадки, – пояснила Марго, прищурившись и не скрывая насмешки. – Треугольный заговор, лучшее средство. На бумаге пишут или по-старому, на звериной шкуре – снимает, как рукой».

«Брось ты, – оскорбилась Елизавета, – я серьезно. Треугольник – это душа, там и написано было – душа, мол, не тело есмь. И потом еще что-то, я не поняла, а в конце – дух есмь любовь...»

«Дух есмь любовь, – задумчиво повторила компаньонка, – ну-ну. Ты вообще не скучаешь, подруга, – резюмировала она, покачив головой, и добавила с укором: – Лизка-липка...» – так что Елизавете стало неловко. Она ответила рассеянной улыбкой и отправилась на поиски банки с водой, а Маша еще долго косилась на необычный букет, будто сияясь подобрать-таки не подмеченный обеими ключ к разгадке.

Ревностная противница всяких таинств, тем более связанных с противоположным полом, Маша Рождественская не верила ни в фигуры, ни в бесхозные букеты. В отличие от Елизаветы, ее отношения с мужчинами не заладились с юности и походили более на затяжную войну, нежели на воплощения грез. Многие считали, что ей недостает характера, а потому использовали ее без стеснения – получали требуемое и исчезали без следа, оставляя безутешную Машу залечивать сердечные раны. Потом душа ее огрубела, но каждый по-прежнему видел в ней лишь игрушку – это иссушало иллюзии и ранило сильнее одиночества, с которым она начинала свыкаться. В конце концов, Маша

предприняла контр-демарш, оказавшийся весьма успешным. Ей удалось переставить вещи наоборот, убедив сначала себя, а потом и прочих, что это она пользуется любовников почему зря – для удовольствий, денег, мелких подарков и услуг. Если же они пропадают слишком скоро, то обидного тут ничего нет, вокруг полно желающих, стоит только мигнуть.

Ее стали уважать и даже побаиваться иногда. Из жертвы она превратилась в подобие львицы с чуть затравленным взглядом, который приходилось прятать. Метаморфоза, однако, отняла много сил, и она теперь восстанавливала их по крупице, безжалостно отгоняя, как ненужную блажь, все, не подвластное рациональному цинизму. Странности любви и связанные с ними томления она трактовала по новой моде как неправильное устройство чего-то там в голове – вроде энергий разных цветов, не могущих достичь баланса. Чувства преходящи, цвета норовят смешаться и превратиться в серое. Даже и обсуждать тут нечего, выискивая надуманные смыслы, считала Маша на нынешнем этапе своей жизни. С куда большим удовольствием она говорила о прическах, картах Таро и особенно о собаках, которых обожала. Она даже спала в одной постели с мопсом, а свою борзую, не так давно умершую от старости, вообще считала инкарнацией чего-то, идентичного ей по духу.

С Елизаветой Андреевной они дружили не слишком, но и не враждовали в открытую. Работа была скучна, их туристическое агентство служило лишь фасадом в делах большого человека, имя которого не произносилось вслух. От фасада требовалась безупречность форм без всяких претензий на содержание. Бизнес не шел, принося в основном убытки, но какой-то молчаливый юноша аккуратно доставлял зарплату, вовсе немалую по московским меркам.

В целом, все были довольны. Маша с Елизаветой оклеили картинками стены, разбросали буклеты по подоконнику и столам, разжились тибетской музыкой и фигурками из Китая. На правой от входа стене висели африканские маски, а напротив красовалась карта двух полушарий, исчерканная траекториями